

ПРОГРАММА

ЯКУНИЦКИЕ ЧТЕНИЯ

14:00—14:10. Ярослав Чистов, виолончель.
И. С. Бах, прелюдия и фуга из сюиты № 5 для виолончели соло до-минор

14:10—14:20. Валерий Борщев, Елена Волкова.
Вступительное слово

14:20—14:40. Протоиерей Георгий Эдельштейн.
Мифологизация истории РПЦ МП в прошлом и настоящем

14:40—15:00. Священник Яков Кротов. Реституция совести

15:00—15:05. Ирина Карацуба. О. Георгий Чистяков об отце Глебе Якунине

15:10—15:20. Мария Баранова, флейта.
И. С. Бах, соната ля минор

15:20—15:30. Елизавета Натанова, скрипка.
И. С. Бах, соната № 2 для скрипки соло ля минор, 4-я часть аллегро ля минор

15:30—15:50. Елена Волкова. Био-богословие оптимизма, или Почему Пушно-меховой?

15:50—16:05. Лев Пономарев, Юрий Самодуров.
Церковные вызовы гражданскому обществу

16:05—16:15. Епископ Григорий Михнов-Вайтенко. Духовная природа политического протеста

16:15—16:25. Михаил Обрубов, гитара. «Ангел», «Без спроса» (авторские песни)

16:25—16:40. Елена Санникова. Христианство и атеизм: нужен ли диалог?

16:40—16:50. Владимир Альтшулер, гитара.
Песни А. Галича

16:50—17:00. Стихи о. Глеба читает Владимир Мезенцев

17:00—17:30. Дискуссия, воспоминания

17:30. Чаепитие

Глеб Павлович Якунин (1934—2014)

Родился 4 марта 1934 года в Москве. Окончил Иркутский сельскохозяйственный институт. По образованию биолог.

С конца 50-х годов посвятил себя христианскому служению. В 1958—1959 годах учился в Московской духовной семинарии. 10 августа 1962 года рукоположен в сан священника в Никольский храм Зарайска Московской области.

В 1965 году совместно со священником Николаем Эшлиманом обратился с открытым письмом к патриарху Алексию I о положении Православной церкви в СССР и о предательстве интересов

Церкви руководством Московской патриархии. По указанию КГБ в мае 1966 года церковной властью был — впредь до раскаяния — запрещен в священнослужении.

В 60—70-е годы — деятельный участник правозащитного движения. В 1976 году — соучредитель Христианского комитета защиты прав верующих в СССР. До ареста (1 ноября 1979 года) опубликовал сотни материалов, свидетельствующих о массовом подавлении религиозной свободы в СССР и имевших широкий международный резонанс.

28 августа 1980 года осужден Мосгорсудом по статье 70 УК РСФСР за «антисоветскую агитацию и пропаганду», был узником «Лефортово» и политического лагеря Пермь-37 до 1985 года, затем — два с половиной года ссылки в Якутии. Амнистирован в 1987 году. Тогда же восстановлен патриархией в священническом служении. До 1992 года служил в Никольском храме с. Жигалово (Щелковский район Московской области). Реабилитирован Постановлением Верховного Совета РФ 18 октября 1991 года.

В 1990 году избран народным депутатом России. Был заместителем председателя Комитета Верховного Совета РФ по свободе совести. Участвовал в работе над Законом «О свободе вероисповеданий». Способствовал открытию многих храмов и монастырей.

В 1991—1992 годах участвовал в работе парламентской Комиссии по расследованию причин и обстоятельств ГКЧП, опубликовавшей архивные материалы КГБ о сотрудничестве номенклатуры Московской патриархии с госбезопасностью. По формальному основанию, а фактически за раскрытие этих архивов, защиту интересов верующих и рядового духовенства 1 ноября 1993 года Московской патриархией лишен сана священника.

Сопредседатель движения и партии «Демократическая Россия». В 1993—1995 годах — депутат Государственной думы. В 1995 году организовал Общественный комитет защиты свободы совести.

Умер в Москве 25 декабря 2014 года. Глеб Павлович Якунин похоронен на старом Пятницком кладбище Москвы.

Протоиерей Георгий Эдельштейн

...тогда, в начале 60-х, я думал, что отец Глеб из всей группы внутренне самый честный человек, который не обманывает других и не обманывает себя. В первой половине 80-х ко мне часто приходили офицеры КГБ, беседовали о том, о другом. Надо было, конечно, их послать, но я считал, что если я что-то знаю, я не только имею право, но и должен говорить. Меня, в частности, много расспрашивали об отце Николае [Эшлимане], отце Глебе. Им были необходимы сведения об этих диссидентах. Я каждый раз ниже всех, безусловно, ставил отца Дмитрия Дудко, которого я всегда считал чуть-чуть прохиндеем и выше всех всегда ставил отца Глеба по своей честности...

Яков Кротов

Реституция совести

Октябрьский переворот стал торжеством аморализма особого рода — коллективного. Когда убивает один, частное лицо, — точно грех. Когда убивают несколько — объединённые в «государство», «инквизицию», просто «небезразличных соседей», — это уже вроде бы и не грех, а «защита отечества», «борьба за чистоту веры», «защита института социума». Когда-то спорили старообрядцы о том, личность ли антихрист или собирательный образ. История России после Октября точно показала: зло торжествует там, где торжествует «оно», «коллективное» над личным. Национализация промышленности, коллективизация, обобществление совести, превращение самой нравственной интуиции во внешнее для человека дело, порученное некоему «целому». Ленин и наследники не уничтожили религию, они лишь национализировали религиозную совесть — и из религии ушло человеческое. Борьба отца Глеба Якунина была именно против этого демона, и борьба эта должна быть продолжена. Проблема в том, какие средства в этой борьбе допустимы, чтобы не превратиться в своего противника.

Ирина Карацуба

Отец Георгий Чистяков об отце Глебе Якунине

Отец Георгий Чистяков (1953—2007) в последние годы жизни не раз говорил о том, что «все это скоро, скоро кончится, я ясно вижу», имея в виду набравший тогда силу путинизм. Глаза при этом у него горели правдой неистовой убежденности. С таким же выражением лица он как-то горестно заметил в личной беседе: «Ведь когда власть рухнет, Чубайс же первый прибежит ко мне, к отцу Александру Борисову, чтобы мы уговорили отца Глеба Якунина вернуться в РПЦ МП. Без отца Глеба никакое очищение невозможно, невозможно».

Какая мощная вера в сомнительные сущности... кроме одной — мученика и исповедника отца Глеба Якунина. Единственного в РПЦ за всю её тысячелетнюю историю священника, изгнанного дважды. За правду.

«Био-богословие оптимизма, или Почему Пушно-меховой?»

Когда я впервые услышала, что Глеб Якунин и Александр Мень учились в Пушно-меховом институте (МПМИ), то приняла это за шутку. Они же явные гуманитарии, их интересы лежат в чем угодно — в богословии, истории, искусстве, политике, — но не в звероводстве. До этого Глеб Якунин учился в музыкальном училище при консерватории, хорошо играл на саксофоне.

Я узнала о многих обстоятельствах, определивших их выбор. Пушно-меховой освобождал от армии, от массивированной пропаганды, жесткого идеологического контроля, городской суеты и скученности. После тесных комнатух в московских коммуналках, школьной муштры, дворовой шпаны, войны и репрессий, липкого страха вокруг вдруг превратиться в романтика природы, лесного бродягу, вольного стрелка, который просыпается в стоге сена, распиивает вино с охотниками на привале и наполняет грудь ветром воли.

Но наиболее интересными оказались не причины, а последствия этого выбора. Биологическое образование сыграло большую роль в формировании их богословских взглядов. Без Пушно-мехового у о. Глеба не было бы естественнонаучной базы для создания собственной поэтической космологии, он бы не смог обращаться к материалистам на их языке, не построил бы свой мост между наукой и верой. В старинной усадьбе под Балашихой, где располагался институт, в его сознании вырастали биологические ростки будущего богословия — того, что можно назвать био-богословием — эволюционного креационизма, который признает эволюцию, однако утверждает, что она является орудием Бога-Творца. Эта идея позднее воплотилась в его поэме «Хвалебный примитив юродивый в честь Бога, мироздания, родины» (<http://www.biblioteka.freepress.ru/poema/4.html>):

Астрофизики-археологи
вывод сделали архилогический —
что под уровень биологический
эволюции мировой,
как земля под травой,
как блюда
под чашки кладутся,
когда к столу подаются,
бытийству подложен
безжизненный слой,
необитаемый,
необъедаемый,
там не было имени
в царственной химии,
там не был ни добрый, ни злой.
Лишь спустя много лет — миллиарды,
на растительно-
оросительном
лоне-
бульоне

заиграла жизнь на морском.
Я надеюсь, о Боже, простительным
с Шестодневом мне будет раскол.
Объяснительное расхождение
в семенно-
сеяном
происхождении
с откровением Моисеевым.
В православие верую яро,
Но с уклоном к Шардену Тейяру.

Он видел эволюцию во всем: даже трагедии, исторические и личные, воспринимал через глубокую веру в трансформацию мира, в его движение ввысь. Отец Глеб будто всегда жил внутри преобразяющегося мира и в глубине своей видел то, о чем мечтал и ради чего «потрудились сивым мерином, неумеренно, как вол». То, что он защищал Белый дом в августе 1991 года в день Преображения Господня, имело для него колоссальное значение. Всякий вызов, любой конфликт, каждая атака на него или его единомышленников наполняли отца Глеба вдохновением борьбы, и заново зажигался в нем победный огонь.

Мы выбрали для Якунинских чтений яркую цитату из его «Пуссиниады»:

Из плена чекиста
выпадем чисто.
Дням самозванства приходит конец,
сброшенным будет лжецарский венец.
Сорок недель созревания плóда,
и у России родится свобода:
чудо-младенец за много веков.
Сын, как родился у стариков –
счастье Захарии с Елизаветой.
Время сбываться надежде заветной,
время сбываться молитве заметной
панночек – хулиганочек.
Песня с амвона
сильнее ОМОНа.
Чадо свободы – дар для России.
Магнификат – несказанно красивый.

5 июня 2012

Епископ Григорий Михнов-Вайтенко
(Апостольская православная церковь)

«Духовная природа политического протеста»

Без отца Глеба в России практически не было бы опыта духовного оправдания протеста, если не считать таковым опыт Льва Николаевича Тол-

стого. Во времена советские было духовное оправдание и соучастие в правозащите. Однако новейшие времена дают и новый опыт. Начиная со знаменитого панк-молебна идет в России отсчёт своей «Телогии освобождения». Получит ли она своё богословское, а главное, общественное признание и осмысление?

Елена Санникова

Мы жили в тоталитарной стране, где атеизм был неотъемлемой частью государственной идеологии, где негативное отношение к церкви прививалось детям с пеленок, а церковная проповедь была запрещена законом. Приход к церковной вере нередко становился результатом поиска в процессе преодоления человеком официальной атеистической идеологии, навязанной в школе, вузе, обществе. Советская идеология не терпела самостоятельной мысли, агрессивно предписывая мыслить только в определенных рамках. Она не допускала сомнений относительно своих догм, а иная точка зрения воспринималась как вражеская. В противоположность этому в среде инакомыслящих формировалась культура деликатной полемики, уважения к чужой точке зрения. Инакомыслящих правильнее было бы называть просто мыслящими людьми, среди которых были верующие и атеисты, коммунисты и антикоммунисты и т. д. Но люди совершенно разных убеждений в этой среде могли быть объединены одним общим делом. Коллегой отца Глеба Якунина по церковному диссидентству, если можно так выразиться, был священник Сергей Желудков. Свой реферат «Христианство для всех» он посвятил Кронида Любарскому, убежденному атеисту, который находился в то время под стражей в мордовском политическом лагере. Между ними завязалась полемическая переписка, которая являла собой образец тактичного отношения к взглядам оппонента, глубокого уважения к чужой точке зрения. В эту полемику постепенно оказалось вовлечено большое число людей. Письма Любарского читались вслух на московских кухнях при большом скоплении людей. Письма Сергея Желудкова увлеченно читались политзэками в лагере. К переписке присоединился и священник Александр Мень. Вопросы, в ней поднятые, заставили многих людей задуматься о чем-то очень важном. Кому-то это помогло прийти к вере, а кто-то, возможно, утвердился в атеистическом понимании мира. Выше всех этих разногласий, по мнению священника, воля к добру и нравственный императив человека. На примере отца Глеба Якунина мы видим, как священник может долгие годы работать бок о бок с неверующими людьми, с атеистами, как может объединяться с ними в деле защиты прав человека, заступничества за гонимых.